

Л. Шестов — В. И. Иванову

*16 февраля 1936 г. Париж
Boulogne s. Seine
19. Rue Alfred Laurent*

Дорогой Вячеслав Иванович!

Если бы Вы знали, как радостно было мне получить Ваше письмо! Недаром говорится, что старый друг лучше новых двух. Правда, и грустно было читать мне его, как может быть и Вам грустно было писать его. Грустно, что Вы пишете из Рима, а я получаю письмо в Париж, и что Париж и Рим, которые я (верно тоже и Вы) всегда так любил, теперь стали для нас местами ссылки. Хотелось бы вернуть старое — когда Вы писали из Петербурга, а я получал письма в Москву или Киев. Но, лучше об этом забыть, ибо тут ничего переделать нам не дано. Оттого, может быть, теперь, когда пришла старость, которая всех понуждает оглядываться на прошлое, трудно говорить и думать об «удовлетворении». Какое бывает удовлетворение, какое может быть удовлетворение в изгнании? Вы так хорошо сказали — *transcensus uniuscuiusque formae in maiorem Dei gloriam*. Но, все же, мы смертные <-> конечные люди<,> нуждаемся и ищем здесь, на отмени времен, и законченных форм: трудно нам жить без отечества. Я это особенно почувствовал, когда через Ваше письмо дошел до меня Ваш голос, которого я столько лет не слышал. Как раз недавно, перечитывая историю философии знаменитого санскритолога Дейссена, я наткнулся у него на такую фразу: к чести Евангелия нужно сказать, что из 7 просьб, включенных в Молитву Господню, только одна («хлеб наш насущный даждь нам днесь») неизменна — остальные все — возвышенны. Ученик Канта и последователь Шопенгауэра, конечно, иначе судить не мог. Но мне, который не учился, а всегда с Кантом боролся, может быть, позволено думать иначе. И, когда я прочел у Вас слова о *transcensus*'е и о Вашей любви к законченным формам, я вдруг почувствовал, что *gloria Dei* нисколько не оскорбляется тем, что человек просит о хлебе насущном, как оскорбилась бы Кантовская автономная мораль и, что, если мы будем просить о возвращении нам Москвы и Петербурга, то наша просьба может быть услышана и —

если не здесь, то в transcensus'е исполнена. Вам я это могу сказать, а, быть может, при случае скажу и другим, хотя знаю, что другие пошлют меня *Zurück auf Kant*. Но мне к этому не привыкать стать: всегда меня к Канту отсылали. В последние годы моего пребывания в Париже, однако, мне пришлось встретиться с человеком, давно, правда, ушедшим из нашего мира — то есть собственно я встретился не с ним, а с его мыслями, выраженными в книгах — с Киркегардом. Прежде я даже и по имени его не знал (а Вы его знали?). И вот у него я встретил такое же понимание transcensus'а — и был неожиданно поражен этим. Киркегард — от Гегеля пошел к частному мыслителю, Иову и от греческого симпозиона к Аврааму. Вы, верно, читаете парижские русские газеты и, может быть, прочли заметку о том, что к 70-летию моему кружок друзей решил издать мою книгу о Киркегарде (она уже 1 1/2 года лежит у меня «в портфеле» — не мог найти издателя). В этом году, если не ошибаюсь, исполнится и Вам 70 лет. Если разрешите — я пришлю Вам эту книгу (она, верно, в мае выйдет в свет). Она называется «С. Киркегард и экзистенциальная философия». Вы найдете в ней размышление на тему «Сократ или Авраам», иначе говоря «Писание или Симпозион». Сейчас кончается печатанием моя другая работа на ту же тему, под заглавием «Афины и Иерусалим». Но она печатается в «*Revue Philosophique*», которая, к сожалению, не дает оттисков. А мне очень бы хотелось, чтобы Вы с ней ознакомились: может быть в Риме можно ее в библиотеке достать. Это все, надо думать, мои лебединые песни и этим верно объясняется мое желание, чтоб Вы, мой старый и дорогой друг, послушали их. Всего Вам доброго, обнимаю Вас. Очень прошу Вас передать Л. Ганчикову мою благодарность за его приветственные слова.

Ваш Л. Шестов

PS. Жена моя просит передать Вам свой сердечный привет. И она очень была рада Вашему письму.

